

Испорченное удовольствие

Пётр Иванович Фунтиков — театрал. Когда перед ним сцена, он забывает обо всех треволнениях, о двойке, полученной младшим сынишкой, и споре со своим приятелем токарем Евлампиевым. Пётр Иванович ждал приезда театра, почему-то задержавшегося на гастролях.

Он ожидал открытия театрального сезона и удивлялся, почему этот сезон так долго не наступает. А пока Пётр Иванович делился с сослуживцами сведениями, почерпнутыми в обл. отделе по делам искусств, из афиш и информации.

— Подготовили новые пьесы, — говорил он. — Заказали роскошные декорации. Театр будет блеснуть, как лакированный ящик. 3 декабря состоится открытие. Предлагаю организовать культпоход на премьеру...

3 декабря Пётр Иванович с утра волновался. В обеденный перерыв он сбегал за билетом, купив за компанию билет и Евлампиеву, с которым помирился в знак такого торжественного события. Правда, премьеры не было, но шла пьеса «Александр Пушкин».

— Только не опоздайте, — предупреждал приятеля Фунтиков, — начало ровно в 8. После третьего звонка вход в зал запрещён.

Без четверти восемь они были в театре. Ещё при входе им в нос ударил острый и терпкий запах краски. В зал не пускали, и нарядная публика заполняла фойе, переминаясь с ноги на ногу, а счастливы, успевшие занять место, сидели на подоконниках, а уходя, пускали знакомых «посидеть на минутку».

Евлампиев сунулся было в буфет, но оказалось, что и здесь стульев почему-то тоже нехватает. Зрители стояли у столиков и закусывали стоя.

В девять часов вечера друзья рискнули пробраться за кулисы. Они увидели здесь Пушкина, приколачивающего изрядно потрёпанные декорации, которые придерживал юркий монах Иона, Арина Родионовна давала наставления,

а Бенкендорф осторожно, боясь испачкать белые брюки, орудовал кистью и масляной краской. Декорации имели таковой вид, будто их пропустили сперва через молотилку, а затем через соломо-резку. Но это было, конечно, обманчивое представление. Просто они поломались и измялись в дороге, а починить их ещё не успели.

— Эге, брат, — сказал тут Евлампиев. — Ты как хочешь, а я пасую, — и пошёл к заместителю директора театра т. Райскому получать деньги за билет.

Но т. Райский заранее принял все меры предосторожности:

— Что вы, батенька, — сказал он. — У нас уже и кассирша давно ушла. Часов в 10 начнём, посмотрите пару актов, а остальное досмотрите завтра.

И он повернулся к другим посетителям, настойчиво требующим возврата денег.

В 10 часов действительно дали первый звонок. Друзья вошли на балкон и сели на свои места. Впрочем, быстро сев, они ещё быстрее вскочили, а затем псовыми платками и афишками стали вытирать многодневную пыль, обильно покрывавшую сиденья. При этом Пётр Иванович изрядно вымазал свой новый пиджак о барьер, покрытый коричневой, ещё не просохшей краской.

Словом, вечер был вконец испорчен. Друзья посмотрели два акта пьесы и разошлись по домам.

— Да, театр, конечно, великая вещь, — сказал Фунтиков, прощаясь с приятелем. — Музыка, декламация, костюмы, свет и всё такое. Только мы угадали с тобою, видно, на пусковой период. Ну мыслимо ли приходить на спектакль с тряпкой и бутылкой бензина для выводки пятен? Очевидно, директор театра т. Быкова тут немного недоучла.

На душе у завязанного театрала было пасмурно...

Л. ЛЕГЕРТ